

A movie poster featuring a man with a beard and dark hair, wearing a dark blue blazer over a black shirt, standing with his arms crossed in the background. In the foreground, a woman with long, straight reddish-brown hair is leaning forward, holding the hand of a young child with curly reddish hair who is wearing a white shirt. The background is a bright, sunlit room with large windows and a yellow sofa.

ИРИНА
ШАЙЛИНА

СЛУЧАЙНАЯ МАМА
для СЫНА БОССА

Ирина Шайлина

Случайная мама для сына босса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71479597

SelfPub; 2024

Аннотация

Я усыновила чудесного малыша и успела полюбить его всем сердцем, но он оказался пропавшим сыном моего босса.

– Ты моя помощница, – говорит Карим равнодушно.

– Вы отняли у меня сына, – с трудом сдерживаю слезы я. – А теперь...

– Теперь я требую, чтобы ты продолжила на меня работать. Мой сын привык к тебе. Поживешь у меня немного, чтобы и ко мне привык, перестал по ночам реветь. Я же не монстр.

Но я знаю – мой босс точно монстр. И теперь я вынуждена жить с ним под одной крышей...

Содержание

Глава 1. Даша	4
Глава 2. Карим	11
Глава 3. Даша	15
Глава 4. Даша	20
Глава 5. Карим	27
Глава 6. Даша	31
Глава 7. Карим	36
Глава 8. Даша	42
Глава 9. Карим	47
Глава 10. Даша	51
Глава 11. Карим	58
Глава 12. Даша	68
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Ирина Шайлина

Случайная мама для сына босса

Глава 1. Даша

Его так много было в кабинете, что я привычно потеснилась в сторону. Собирался он всегда быстро, спешно, и напоминал мне локальный тайфун.

– Серая рубашка, Дарья, – сказал он поворачиваясь ко мне. – Какого цвета галстук следует подобрать к серой рубашке?

– Можно бордовый, – ответила я, подавив улыбку. Я боялась улыбаться в его присутствии, до сих пор, хотя работала на него уже два года. – Как у Дэниела Крейга.

– Это кто? – удивлённо приподнял брови мой босс.

– Он Бонда сыграл...

Скептически покачал головой, и словно просто забыл про то, что я есть в комнате. Всегда забывал. Принял телефонный звонок достаточно личного характера, а я стояла и слушала. Затем, дождавшись завершения разговора протянула ему галстук нейтрального цвета, но насыщенного, чтобы мой босс не выглядел скучным.

– Спасибо, Дарья, – кивнул он. – Чтобы я без вас делал?

– Я ухожу в декретный отпуск, – мягко напомнила я.

Карим повернулся ко мне и удивлённо посмотрел на мой плоский живот, впрочем, едва различимый под мешковатым пиджаком.

– Да?

– Я усыновляю ребёнка. Я вам говорила. Сегодня ночью лечу...

– Молодец, правильно, – перебил Карим. – Галстук завяжи.

Повязывать ему галстук всегда было мучительно. Я терялась от гаммы чувств, которые вызывал во мне босс, и каждый раз, нечаянно касаясь его кожи, забывала, как дышать.

Ему следовало бы уже посетить парикмахера, я сделала себе пометку мысленно – согласовать. А потом вспомнила, что ухожу в отпуск, нужно напомнить об этом той, что будет меня заменять... И повязывать ему галстуки, нечаянно касаясь кожи пальцами. Касаясь волос, что дорастая до воротника, начинали немного виться.

– Вы, наверное, в детстве кудрявым были? – вырвалось у меня.

Я сама покраснела от бестактности своего вопроса. В отношениях с боссом у нас никогда не было никаких вольностей. Только работа, ничего личного. И Карим удивился, посмотрел на меня сощуриив темно-карие глаза, сверху вниз, – он был сильно выше, словно размышляя, не выкинуть ли ме-

ня сейчас с работы без выходного пособия и рекомендаций.

– Да, – ответил он, удивив меня. – Ещё и блондином был, мама у меня русская. Потом волосы потемнели.

Галстук был повязан, мои руки безвольно опустились. Карим кивнул мне и вышел из кабинета. Я немного постояла, приводя свое дыхание в порядок, ожидая, когда успокоится колотящееся сердце. Затем прошлась по просторному кабинету с видом на город. Помедлила. Погладила письменный стол босса из цельного массива дуба.

Из отпуска я вернусь через полгода. Надеюсь, этого времени моему ребёнку хватит, чтобы привыкнуть ко мне и пойти в садик. Но мне казалось, что через полгода все изменится. И моё место заменит другая, такая же удобная и полезная помощница. Я сама два года назад так и сделала. Карим на меня внимание случайно обратил, я работала секретаршей одного из его подчинённых, сидела на мизерной зарплате. А у Карима заболела помощница. Я раз помогла, два, а когда та девушка вернулась, её место было занято мной.

– Я буду скучать, – шепнула я тихо.

Я помнила, что тут камеры везде, и не хотела, чтобы служба безопасности решила, что серая мышка Дарья Ивановна сохнет по своему боссу. С такими здесь разговор короткий...

А затем, словно отсекая сомнения, вышла быстро, словно убежала. Меня ждут великие дела. Завтра я стану мамой. Я всегда мечтала об этом. Ещё в университете представляла, как баюкаю свое дитя. Замуж летела счастливая, окрылен-

ная. А потом неудачная беременность, бесплодие, развод... Муж просто избавился от меня, как от сломанной игрушки.

Тогда я решила – я усыновлю себе ребёнка. Какая разница, кто его родил? Я дам ему всю свою любовь, стану лучшей в мире мамой. Только между мной и моей мечтой стояло почти полное отсутствие у меня денег и квартиры.

Карим Булатов был жестким руководителем. Он не терпел чужой слабости и безалаберности. Но он умел заботиться о своих сотрудниках. Работая на него я получила заем на квартиру в его же банке, стабильную зарплату, и наконец мне стала по карману и моя мечта, и полгода отпуска со своим ребёнком. Всё получится.

Мама позвонила, когда я уже собиралась выезжать. Вещи давно были собраны, ни один документ не забыт – за годы службы на Карима я научилась быть предельно собранной и учитывать малейшие нюансы.

– Что, поедешь? – спросила мама в трубку.

– Поеду, – согласилась я.

– А может подождешь? Тебе тридцать только, дочка... одна, чужого ребёнка будешь растить, без мужа? Дай себе ещё время. Найдёшь кого-нибудь, выйдешь замуж, может сможешь сама родить...

При воспоминании о моей беременности, болью скрутило внутренности. Мама, словно зная, била по самому больному.

– Это мой будет ребёнок, мама. Мне пора в аэропорт.

Одинокой женщине с ипотечной квартирой не спешили

давать ребёнка. Я была согласна брать не выбирая, но для меня ничего не находилось. А потом нашлось, по федеральной базе. Далеко, в маленьком городке в самой глубинке. Маленький мальчик, около двух лет. Я была уверена – он ждал меня. И уже завтра я его заберу.

Рано утром я была в далёком городе. В нужном мне городке не было аэропорта, поэтому ещё два часа на автобусе, но все оно того стоило. Номер в гостинице уже был забронирован, я спланировала для Карима десятки поездок и стала весьма опытной в этом деле. Успела принять душ и выпить кофе. Посмотрела на себя в зеркало. Кожа бледная – отпуска у меня этим летом не было. И прошлым тоже – Кариму было нужно, чтобы я работала, а мне нужны были деньги. Под глазами красуются тени, сказались и волнение, и бессонная ночь. На мне серый деловой костюм. Безликий, аккуратный, скрывающий очертания моей фигуры – глава службы безопасности максимально доступно объяснил мне дресс-код при устройстве на работу помощницей Карима. Ты не должна пытаться быть красивой. Ты должна быть умной и полезной, сказал он мне. Если он с тобой переспит, сам же выкинет с работы, ему тут шашни не нужны. Так что будь умницей, работай...

Я была умницей. Я продержалась два года на работе, сложнее которой у меня никогда не было.

На улице был туман. Осеннее, погожее, чуть сырое утро. Деревья в красном и ярко жёлтом. Стояло бы солнце, краски

утра слепили бы глаза. Маленький городок казался мне идеальным, просто потому, что сегодня исполнялась моя мечта.

Детский дом, точнее дом малютки, был небольшим. Три десятка детей, большая часть имела живых родителей, которых пытались лишить прав в силу асоциального образа жизни. Я медленно поднялась по ступеням и позвонила. Пульс зашкаливал.

– Дарья Ивановна! – Как родную, встретила меня заведующая. – Мы вас так ждём! Прежде всего, я бы хотела поговорить с вами о ребенке, вы предупреждены, но во всем есть свои тонкости...

– Потом, – отрезала я. – Всё потом. Я хочу его видеть.

Когда шагала за ней по коридору, думала упаду в обморок. Глупости – не упала. Замерла в дверях. На мгновение закрыла глаза. А потом...

Он сидел на полу в пустой комнате. Не мерз, думаю – ковёр был пушистым и тёплым на вид. Перед ним гора кубиков. Мальчик, мой сын, брал кубики по одному, и задумчиво крутил в руках, разглядывая каждую сторону, украшенную картинками.

Я не помню, как до него дошла. Опустилась на пол рядом. Он поднял голову, и посмотрел прямо на меня. Глаза – карие. Кажется, бархатные. Глубокие. В них —вся мудрость мира. Вся сила. Только ради них стоило жить.

– Если вы помните, он найденныш, – говорит заведующая. – Просто сидел на парковке, ночью, один...

Я не слушаю её толком. Я хочу смотреть на своего сына. Боюсь его коснуться, а он продолжает молча на меня смотреть. Затем протягиваю руку, и чуть касаюсь самых кончиков его светлых, медового цвета, кудрявых волос.

Глава 2. Карим

Девушка принесла поднос, и расставляя блюда на столе наклонилась так низко, что продемонстрировала все достоинства своей фигуры разом.

– Комбо, – прокомментировал Дамир.

Я проследил за его взглядом – он упирался в самое женское декольте. Там все было на высшем уровне, но я поморщился недовольно – мои мысли были не тем заняты. Если бы захотел, сегодня была бы моей. Сама бы прибежала. Или Дамир бы договорился. Но...нет этой красотке места в моих мыслях. Не сейчас.

Постукивали друг о друга льдинки в бокале. Методично заработали вилки, чуть позвякивая о дорогой фарфор. Всё в этом месте было отлично, и бабы красивые, и еда вкусная, а расслабиться никак не получалось.

– Вылет на следующей неделе, – напомнил Дамир.

Я замер на мгновение, мысленно распределяя время. Время было самым ценным ресурсом, его всегда не хватало. А ещё организованности. Я мог удерживать в голове малейшие детали многомиллионных сделок, но ломался на элементарной бытовухе.

– Сейчас, – откликнулся я.

Достал телефон. Нажал номер Дарьи, самый используемый. Прослушал целых четыре гудка, злясь на то, что она не

может ответить вовремя.

– Да? – сонно отозвалась она.

Досчитал мысленно до трех, чтобы не вспылить.

– Дарья, вылет на следующей неделе, а согласование...

– Карим Амирович, – вздохнула она. – Я ушла в отпуск, позавчера у меня был последний рабочий день. Я от вас за три тысячи километров, у меня четыре утра. Все дела я передала Рите, её номер у вас сохранен. Но сейчас я вышлю всю информацию файлом, если вам так проще.

– Отпуск, – вспомнил я.

– Да, декретный...

Сбросил звонок. Сделал глоток из бокала. Подумал о Дарье. Незаменимая. Мне казалось, незаменимых нет, но я ошибался. Ни с кем мне ещё так комфортно не работалось.

– Ребёнок? – спросил Дамир.

– Усыновила. Вроде суд уже был...

Тема детей больно резала, по живому. Дамир прекрасно знал, поэтому мы старались никак её не поднимать.

Дело в том, что я был женат. Несколько лет назад женился, казалось, статус того требует. Красивая, вроде умная, отличная фигура, что ещё нужно? Здорова была, значит рожать могла, а наследника я хотел, смысл в деньгах, если некому их оставить? Договор брачный составил железный, только дорогая жена пошла дальше. Она решила мои капиталы унаследовать и попыталась организовать мою смерть.

Но моя служба безопасности не зря хлеб ела, все ее пла-

ны развалились. Киллера отловили, а жена смогла сбежать в штаты. Я плюнул на неё – кому такое счастье надо, пусть сам ищет. Аннулировал её счета и развёлся.

Через год, через год только, я узнал, что она родила. И ребёнок точно мой, она сообщила мне об этом словно издеваясь. Я на нервах обещал просто её убить, а она... Знаете, как сложно найти человека, который не хочет быть найденным? Она меняла любовников, как перчатки, и моталась по всему миру, мы просто не успевали за ней. А потом, восемь месяцев назад просто исчезла, и наши поиски не давали никаких результатов. Я с ума сходил от злости и беспокойства за сына. Маленький совсем – ему сейчас только два года и один месяц. Он не заслужил такой матери и такой жизни. Любой ребёнок должен быть счастливым.

Я знал только его данные при рождении – из клиники, в которой прошли роды. У меня была одна его фотография. На ней он маленький совсем, пара месяцев, лысый почти, только пушок на голове, и ужасно серьёзный.

Мать моя ни о чем этом не знала – иначе эта история её свела бы в могилу. А я начал понимать, что просто ненавижу женщин. Всех. За то, что они способны делать такое назло.

– Мальчик найдётся, – тихо сказал Дамир, словно читая мои мысли. – Мы непременно его найдём.

– Восемь месяцев, – прорычал я, и бокал хрустнул в моих руках, впиваясь острыми гранями осколков в ладонь. – Восемь месяцев тишины! Где он теперь? В Новой Гвинее? На

северном полюсе? В Зимбабве? Где, Дамир?

– Я не знаю, – беспомощно ответил он. – Но мы его найдём...

Засуетилась, собирая осколки, официантка. Я жестом отправил её прочь, прижал белоснежную хлопковую салфетку к ладони. Она медленно пропитывалась алым, а я думал о том, что мой ребёнок сейчас, быть может голоден. Может, ему страшно. Он плачет. А я ничего, ничего не могу сделать. Я даже не видел его ни разу.

Глава 3. Даша

Суд по усыновлению уже был позади, но последние формальности отняли ещё сутки, поэтому в чужом далёком городе мне пришлось задержаться ещё на сутки. А мне все время хотелось проводить с сыном. Если бы усыновление проходило из моего региона, я могла бы чаще его навещать, пока идёт подготовка к суду, но я, за эти три месяца, смогла вырваться только два раза, и теперь мне не хотелось уходить даже на тихий час, казалось, теряю время.

Хотелось, чтобы Сенька сопел рядом, а я бы им любовалась. Никто не знал, как его звали на самом деле. Мой сын – найденыш. Семь месяцев назад, на рассвете, его нашли на парковке. Стоял конец апреля, ночи были холодными, никто не знал, сколько времени он провел один. Он сидел на поребрике, больше сидеть здесь было не на чем, и ждал. Не плакал даже. Потом две недели лечился от пневмонии двусторонней. При мысли о том, что кто-то мог быть настолько жесток, что бросил ребёнка ночью, одного в темноте мёрзнуть, у меня бессильно сжимались кулаки. Я была мирным, даже робким человеком, но вот покажи мне того, кто это сделал, я бы без раздумий бросилась в бой. Он таким маленьким был, мой Сенька. Таким беззащитным.

А ещё я злилась, что у того, кто бросил ребёнка весенней ночью одного, не хватило духу отказаться от ребёнка офи-

циально. Я могла бы забрать Сеню сразу, но пришлось ждать время установленное государством. Шесть месяцев сначала искали мать ребёнка, потом ждали, что объявится сама. И только потом отдали его мне.

– Вы же понимаете, – мягко говорила мне заведующая. – Здоровые и желанные дети в детских домах редкость. У нас те, кто никому не нужен. Поэтому не ждите, что выиграли в лотерее.

– Вы меня отговариваете? – удивлённо приподняла бровь я.

– Нет, ни в коем случае. Я люблю всех этих детей. Я всю жизнь отдала своей работе, и нисколько об этом не жалею. Я просто хочу, чтобы вы знали. Точный возраст Арсения мы не знаем, около двух лет. Он не говорит. Точно слышит, но не говорит. Он замкнут. Некоторые черты его поведения имеют аутичный характер. Денег на серьёзные исследования у нас нет, вы понимаете. Только на минимальном уровне. Поэтому Сеня – ящик пандоры. Никто не знает, что ждёт того, кто его откроет. Быть может он будет умным, вежливым, прекрасным сыном. А может быть инвалидом не способным к обучению и социализации. Всё это нам пока неизвестно. И меньше всего я хочу, чтобы вы наигрались в него, а потом, когда поймёте, что он не оправдывает ваши ожидания, вернули его, ненужного и неудобного.

Я слушала и понимала её, не могла осуждать. Эта женщина и правда была на своём месте. Я свое нашла неожиданно

– оказалось, что лучше всего мне получается быть нужной Кариму Булатову. Смешное предназначение. А эта женщина дарила себя и свою любовь брошенным детям.

А потом смотрела на Сеньку. Он и правда не разговаривал. Вообще. Когда слышал, что его зовут по имени, замирал, прислушиваясь, но даже не оборачивался. Он смотрел на меня только тогда, когда сам этого хотел. С ним не хотели играть другие дети – я видела, что во время совместных игр, он всегда один, в стороне.

Но это беспокоило меня только с одной стороны. Каково будет Сеньке в будущем? Справится ли он? Будут ли его обижать? Но чтобы не случилось, я готова была быть буфером между ним и внешним миром. Если нужно – стеной. Я никому не позволю его обидеть. Пусть это смешно, но я полюбила его сразу, как только увидела. Я просто знала – это мой сын. Он не игрушка, он мне предназначен, а я ему. И как бы тяжело нам не было, я помогу ему вырасти, окружу его своей любовью и заботой.

– Я справлюсь, – тихо сказала я. – Я не говорю, что мне будет легко. Наверное, не будет. Но я умею учиться. Я умею преодолевать трудности, моя жизнь вовсе не была сахарной.

– Я рада за Сеню, – улыбнулась в ответ женщина.

Мне ещё оставалось получить новое свидетельство о рождении для сына и прочие бюрократические мелочи. По сравнению с пройденным путем – ерунда. Сенька уже был моим.

Ночью мне звонил Булатов. У них сейчас – поздний ве-

чер. Я все ещё в курсе его расписания, поэтому скорее всего он ужинает с Дамиром. Время ранее утро, но уснуть после звонка мне уже не удалось. Я думала о Сеньке. Иногда думала о Булатове. Я не могу сказать, что была влюблена в него. Просто он...завораживал. Своей силой. Своими возможностями. Глазами карими, глубокими, как омуты. Мне казалось, ни одна женщина не сможет им обладать. Не совладает с его мощью. Я не смела о нем даже мечтать, но раз за разом Булатов проникал в мои мечты и даже сны. Сны были неправильными, и после них я только ещё сильнее боялась своего босса, ещё сильнее робела в его присутствии.

Утром Сенька ждал меня уже одетым. Шапочка на нем была смешная, с помпоном. Рюкзачок маленький. Сидел на стульчик в коридоре и ждал. Я подумала о том, что так же, семь месяцев назад, он ждал ночью ту, что его родила и у меня сжалось сердце.

Я попрощалась с заведующей и вышла к нему. Протянула ему руку.

– Пойдём?

Он посмотрел на меня изучающе, чуть склонив голову. А потом протянул свою ладонь. Она была такой маленькой, что от трогательности момента у меня вновь перехватило дыхание. Я шла до ворот, тихо ревела, чтобы не испугать сына, утирала слезы и шмыгала носом, а он шагал рядом, маленький такой, и помпон на шапке раскачивался в такт его шагов.

В такси он прильнул к оконному стеклу и внимательно смотрел на проплывающий мимо осенний город. Я не пожалела денег и на такси мы доехали до аэропорта – почти два часа. Там он не выпускал моей руки, словно боясь потерять-ся, и мне снова хотелось реветь.

А ещё я чувствовала себя иначе. Наверное...особенной. Теперь я была мамой и несла ответственность. Теперь все изменилось. Я никогда не завидовала молодым мамам, но порой не могла отвести от них взгляда. А теперь я сама – мама.

– Мы полетим на самолёте, – сказала я. – Ты летал? Тебе должно понравиться. А если будет страшно, просто знай, что я рядом.

Но Сенька был совершенно спокоен. Отстоял очередь регистрации, полчаса ожидания в зале сидел на лавке со мною рядом и пил сок из трубочки. В самолёте так же держал меня за руку, но не выглядел испуганным. Словно в его маленькой жизни уже все это было.

– Мы летим домой, – произнесла я, сама себе не веря. – Мы летим домой, сынок.

Глава 4. Даша

Быть может я когда-нибудь и привыкну просто быть мамой, но пока волнителен был каждый момент. Ехали уже домой, из нашего аэропорта, я рассказывала Сеньке о городе, в котором он будет жить. Потом словила волнение во дворе. Увидела детскую площадку, поняла, что уже завтра приду сюда гулять в качестве мамы. И в парки. И везде-везде.

В лифте поднимаемся, потеют ладони и даже потряхивает немного.

– Это наш дом, – сказала я Сеньке, когда мы вошли в квартиру. – Пойдём, я покажу тебе твою комнату.

Комната уже давно была готова, я начала её делать, как только поняла, что Сенька будет моим. Старалась не делать её слишком мальчиковой, она была пастельной и нежной. Игрушек почти не было – я ещё не знала вкусов своего ребёнка. Выберет сам. Пока только один плюшевый зайка, пара машинок и россыпь кубиков. Лёгкие занавески, пушистый ковёр. Пусть я не была богата, но каждая деталь здесь была продумана с любовью – я долго готовилась к этому моменту. Кажется, многие годы.

– Это твоя комната, больше ничья. Но если тебе вдруг станет неудобно одному, ты всегда можешь прийти ко мне. Я – за стеной.

Ужин готовила и все время думала о том, что это пер-

вый наш совместный ужин. Я готовлю для своего сына. Эта мысль никак не укладывалась в голове, ведь когда-то я похоронила мечту стать матерью, вместе с ребёнком, сердце которого перестало биться внутри меня.

Я все время говорила с ним. Негромко, контролируя степень возбуждения своего голоса – он должен быть спокойным. Сенька должен привыкнуть и ко мне, и к моему голосу.

– Какую еду ты любишь? – спрашивала я. Сенька молчал, поэтому я улыбалась и сама же себе отвечала, – знаю, что все дети любят вредную еду. Обещаю, что мы непременно будем есть и пиццу, и бургеры, и картошку фри. Но каждый день нельзя. Сегодня у нас будет паста с фрикадельками и овощной салат.

Мало кто из детей чётко и понятно говорит в два года. Но все же, они говорят. Пусть калякают на своём языке, но все же. Сенька молчал совсем. Иногда мне казалось, он делает это принципиально, просто потому, что мир, в который он пришёл, так его разочаровал и подвёл.

Я сразу сказала себе – я приму его таким, какой он есть. Я буду любить его даже если он вообще никогда не скажет ни слова. Но я мать, и я должна помогать. Поэтому мы обязательно пройдем обследование, но не сейчас, а когда Сенька пообвыкнется и адаптируется.

Поэтому сейчас я просто говорила. Иногда молчала, позволяя тишине заполнить паузы. Улыбалась. А Сенька сидел на стуле, снова аккуратно положив ладошки на колени, и

внимательно меня слушал. А ещё – смотрел на меня.

И мне этого было достаточно для счастья. Я таяла. Ведь мне так мало нужно было – всего-то отдать всю любовь, что во мне скопилась, не востребованная, никому не нужная.

Тарелки и приборы были на столе, мы помыли руки и сели напротив друг друга. В течении дня мы перекусывали в кафе и в самолёте, там все проходило в спешке и неудобстве, и я помогала Сеньке есть. Сейчас он важно сел и взял в руки вилку. Мне казалось, на неё он смотрел неуверенно, поэтому подала пример и накрутила на вилку спагеттину. Сенька внимательно посмотрел, и неуклюже, не с первой попытки, но повторил. И у него получилось, а моё сердце переполнила гордость.

– Ты очень умный, – похвалила я его. — У тебя все получится.

В самолёте Сенька уснуть не смог, поэтому сейчас начал клевать носом не осилив и половину порции. Я отвела его в комнату и напомнила:

– Я всегда рядом. Если будет нужно, приходи.

Самой мне ещё явно рано было спать, я убралась на кухне, занялась прочими мелочами, но что бы не делала, то и дело прерывалась и шла смотреть, как спит Сенька. Мягко светил ночник, Сенька спал на боку, подложив под щеку ладошку, словно малыш с открытки.

Я не думала, что он придёт ко мне. Перед сном сходила к нему, тихонько, почти не коснувшись кожи, чтобы не разбу-

дить, поцеловала в лоб и ушла к себе. А ночью проснулась от тихих детских шагов. Сенька пришёл со своей подушкой и одеялом. Я не стала показывать ему, что проснулась. Он лёг на мою постель, но скраю совсем. словно он одновременно и не один спит, и один. Я так и уснула, прислушиваясь к его дыханию.

А самое интересное случилось утром. Я проснулась, а в постели я одна. Мой двухлетний сын ушёл в свою комнату вместе с подушкой и одеялом едва рассвело, и решил сделать вид, словно ночных хождений не было. И тогда я подумала, что Сенька очень умен. А ещё уязвим. Иначе откуда в малышовых два года страх показаться кому-то слабым?

– Доброе утро, – улыбнулась я, словно ничего не случилось. – Умываться и завтракать! Потом гулять пойдём, я все-все тебе покажу и расскажу.

Но все пошло не по плану. Мой отпуск, по сути, вот только начался, однако Булатов позвонил мне едва мы успели закончить с завтраком.

– Дарья, – требовательно начал Карим, не поздоровавшись, – Где договор до сделке с "Гарант-строем"?

– В чёрной папке на вашем столе, – спокойно ответила я. – Туда его должна была положить Рита сегодня утром.

– Его нет! – Почти торжественно провозгласил он. – Только копия! А мне с копией что делать? Подтереть задницу?

– Я в отпуске, – беспомощно сказала я.

– Васильев в Штатах, – продолжил Карри. – Мне ждать

пока он вернётся и поставит свою подпись? Или просрать тендер, Дарья? А может вы приедете и найдёте мне договор?

– Карим Амирович...

– Уволю, – спокойно ответил он и сбросил звонок.

Я знала, что он может уволить. Плюнет на законы, они не для него писаны. Ему нужно только одно – чтобы все его беспрекословно слушались. А я слишком зависима от его работы и его денег.

– Планы немножко изменились, – виновато улыбнулась я Сеньке. – Сначала мы посмотрим мамин офис.

Сеньке было все равно. Не по причине равнодушия – ему просто все было интересно. И офис, и облака в иллюминатор, и гавкающая дворняжка.

Я торопливо надела один из своих безликих костюмов, а на Сеньку надела самые красивые и клёвые джинсы, которые нашла и купила месяц назад. Сверху джемпер, на ноги кроссовочки, шапку цвета горького шоколада – Сенькиных глаз. Курточку, немного легче той, в которой он приехал – в нашем городе пока ещё теплее.

– Ты невероятно красив, – заключила я с удовлетворением.

Я могла бы отвезти его маме. Пусть она была не в восторге от идеи усыновления, и даже не звонила после того звонка, но помочь бы не отказалась. Но думаю, в маленьком сердце Сеньки бушует столько страхов, плюс его уже бросали – пока он мне не поверит, я не буду оставлять его без веских на то

причин.

Поэтому в офис мы поехали вместе. У меня был крошечный кабинетик примыкающий к приёмной Булатова, и я сразу направилась туда, торопливо кивая на все приветствия.

– Даша! – обрадовалась Рита. – Я думала он меня сожрёт!

– Он мог бы, – развела руками я. – Ищи быстро, куда ты договор дела?

И только потом Рита перевела взгляд вниз и увидела Сеньку, жмущегося к моим ногам. На её лице медленно расцвела улыбка.

– Даша... я поздравляю тебя. Это чудесно!

Я позволила себе одну улыбку в ответ, а потом засучила рукава и принялась выкладывать папки на стол. Потерять оригинал договора – это вам не шутки. Могло не поздороваться и Рите, и мне. Сеньке дала несколько бумажных листов и авторучку – пусть рисует.

Всё же, я не привыкла быть мамой. Этому нужно учиться. Я даже не заметила момент, когда Сенька тихонько встал со стула и просочился в приёмную. А оттуда в кабинет босса напрямик, благо секретарша его даже не увидела за своим высоким столом.

Я повернулась, увидела пустой стул. Сердце екнуло. Столько страхов сразу! За секунду. Выбегая в приёмную попыталась себя успокоить, тем что здесь везде камеры и охрана, но легче не стало. Увидела распахнутую дверь в кабинет босса, растерянную секретаршу и сразу все поняла.

Сенька стоял посреди кабинета. Булатов стоял, возвышаясь над ним, и смотрел, как на диковинную зверушку. Сенька смотрел на него запрокинув голову, в руках у него был обрисованный каракулями лист бумаги.

– Это что? – требовательно и недоуменно спросил Карим.

– Кто, – поправила я. – Он же живой... Это мой сын. Его зовут Арсений.

Глава 5. Карим

Мальчик был маленьким. Маленький такой, в моднявых джинсах, симпатичный, кудрявый малыш. Странное в нем было то, что он находился в моем кабинете. Стоял прямо посреди, прижимал к груди бумажку с чем-то похожим на тест Роршаха и смотрел на меня. А я на него.

Я дал себе десять секунд, понял, что сам мальчик никуда не исчезнет. Проснулась злость. А если бы я был не один? Если бы у меня была важная встреча? На черта мне, спрашивается, секретариат и охрана, если дети чужие, ко мне в кабинет, ходят, как к себе домой?

Впрочем, чей это ребёнок я понял почти сразу. Мы с минутой молча изучали друг друга, а потом в кабинет влетела Дарья. Вспомнил. У неё же отпуск, черт. По уходу за ребёнком. А это видимо тот самый ребёнок и есть.

– Не помню, какой из пунктов трудового договора подразумевает нахождение на рабочем месте вместе с ребёнком, – едко сказал я.

– Наверное, тот же самый, что обеспечивает неприкосновенность декретного отпуска, – ответила Дарья.

– Дарья, – удивлённо приподнял брови я. – Материнство сделало вас куда смелее, чем раньше, и это всего за пару дней.

Я привык к тому, что она всегда рядом. Тихая, незамет-

ная. С зализанными в тугой пучок волосами, в бесформенном пиджаке и юбке, что скрывала малейшие намёки на женственность. А ещё – беспрекословная. За годы службы Дарья не сказала мне и слова поперёк, и встретить отпор я не ожидал. Это было...неправильно.

А сейчас на ней все тот же пиджак, тот же пучок на голове, но смотрит она иначе. Мальчика на руки взяла, он ткнулся лицом ей куда-то в шею, словно прячась от меня.

– Это не входит в мои обязанности, – спокойно произнесла она поглаживая мальчика по спине. —В мои обязанности входило составлять график вашего дня, смотреть, чтобы вы не умерли от голода, записывать вас к барберу, а ещё выбирать подарки для ваших любовниц. Как так вышло, что теперь я тащу на себе половину обязанностей секретаря? Может, вы на меня ещё бухгалтерию повесите? Сколько тысяч человек на вас работает? Мне рассчитать для всех них зарплату, учитывая все отпуска, больничные и переработки?

Я минуту помолчал, изучая её. Теперь она выглядела по-новому.

– А вы сможете?

– Вы неисправимы, Карим Амирович, – вздохнула она. Опустила ребёнка на пол. Только сейчас я увидел, что у неё в руке тонкая папка, её она положила мне на стол. – Вот ваш договор.

Взяла ребёнка за руку и пошла прочь. Я открыл папку – оригинал договора.

– Дарья, стойте, – остановил я её. – Выходите работать на четыре дня в неделю.

– Нет.

– На три, я оплачу вам няню.

– Нет. Сын ещё не привык ко мне настолько, чтобы доверять. А его в этой жизни уже бросали. Я буду дома весь свой отпуск.

Они остановились, обернулись. Мальчишка не выпускал руки Дарьи, но смотрел на меня. В его глазах была враждебность, а ведь мы с ним встретились всего несколько минут назад. Наверное, ему показалось, что я обижаю его маму.

Я не хотел казаться лучше, чем есть, или любой ценой понравиться незнакомому, чужому ребёнку. Скорее я хотел задобрить его мать, без которой работать было слишком проблемно. Я опустил перед ребёнком на корточки, чтобы быть с ним примерно одного роста.

– Привет, – поздоровался я. – Начнем все сначала? Я Карим, а тебя как зовут?

– Его зовут Арсений. Он не разговаривает.

В моей семье всегда говорили на двух языках. И я впитал оба с младенчества. В полтора года сносно болтал на обоих языках. Мама гордилась этим фактом больше, чем тем, что я создал огромную, приносящую баснословную прибыль компанию, и до сих пор рассказывала об этом всем, при каждом удобном случае.

– А я в полтора года говорил на двух языках, – решил по-

делиться и я.

– Поздравляю вас, – сухо ответила Дарья. – До свидания.

Я вдруг подумал о том, что мой сын примерно такого же возраста. Во младенчестве, на той самой единственной фотографии, он был похож на меня в детстве. Наверное, он такой же активный. Не умеет стесняться. Громкий. Уверенный в себе. Наверное, уже очень хорошо разговаривает, а учитывая, что бывшая жена таскает его по всему миру, наверное, говорит, как и я, не на одном языке. С ним бы я легко нашёл общий язык. А мальчик Дарьи смотрел в самую душу и от его взгляда становилось беспокойно. Неуютно.

Когда она закрывала дверь, мальчик снова посмотрел на меня. Наши взгляды встретились. Его глаза, темно карие, в окружении пушистых светлых ресниц, смотрели крайне серьёзно, и я вдруг ощутил глухую тоску по родному сыну, которого не знаю, когда увижу.

Глава 6. Даша

Мужчины для моего сына были чем-то непонятным и неизведанным. Причина тому была – весь коллектив небольшого детского дома состоял сплошь из женщин, исключением был только пенсионер-охранник, да и того дети видели редко. А здесь – куча мужчин. А Булатов ребёнка и вовсе поразил. К тому же – немного напугал.

Я отдала договор и ушла из офиса сразу же, хотя со мной были все знакомы – зная, что именно через меня можно пробиться к боссу, и теперь я чувствовала себя липкой и грязной от чужих любопытных взглядов.

– Усыновила таки? – успела задать вопрос девушка из рекламного отдела.

Я не помнила даже её имени, и то, что она в курсе таких интимных деталей моей личной жизни меня покорило.

– Да, – коротко ответила я.

– Ну что же, лучше так, чем одной, – с лёгкой жалостью проговорила девушка. – И потом стакан воды в старости и все такое...

Она смотрела на меня с брезгливостью. Во мне снова проснулась злость. Какое она имеет право судить? Чем она лучше меня? Тем, что её юбка едва прикрывает задницу, а губы ярко накрашены? Чем мой Сеня хуже чужих детей?

Я понимала, что сейчас просто взорвусь, я после кабинета

Булатова ещё кипела. Но...меня просто не поймут. Я здесь никто. Мне можно таскать шоколадки, чтобы я задобрила босса по очередному проекту, а потом просто забывать о моем существовании. Смешно, но в прошлое восьмое марта про меня просто забыли. Даже идиотских тюльпанов в офисе мне не досталось.

Я опустила взгляд вниз. Сенька стоял рядом со мной, держал меня за руку, и смотрел так, как только он умел – в глаза, а кажется, в самую суть. И я нашла в себе силы просто улыбнуться этой девушке. Я не буду позориться выяснением отношений и пугать своего сына. Пусть подавятся своими тюльпанами.

– Эти глупые люди не умеют любить, – сказала я Сеньке уже на улице. Мы шли по парку, и ярко-жёлтые берёзовые листья грустно шуршали под нашими ногами. – Не стоит на них обижаться, да?

Сенька молчал. Я начала привыкать к его молчанию. Мы шли и вместе было так уютно. И можно не думать ни о чем. Не мерить себя чужими мерками. Что мне тридцать, у меня нет мужа, я бесплодна, я просто старая никому не нужная дева. Нет, я выше них. У меня есть я. И у меня есть Сенька.

Дворники сгребали листья в большие кучи, а потом вывозили в чёрных мешках. Сенька долго и задумчиво наблюдал за их работой. Потом подошёл к одной из куч, внимательно её оглядел и выбрал себе лист. Ярко красный, в маленькую бурую крапинку, которая говорила о скором увядании. Но

пока лист был прекрасен и практически безупречен. Сенька поднял его выше, и через него посмотрел на солнце. На детское лицо упали алые всполохи, а Сенька...он улыбнулся вдруг. Я замерла, поражённая красотой и величием этого момента, даже дышать перестала, я не улыбалась, не плакала, просто смотрела, затаив дыхание. Я первый раз видела его улыбку, такую чистую и такую искреннюю. Я так боялась её спугнуть неловким движением!

Сенька опустил лист и рассмотрел его с обеих сторон. Остался удовлетворён осмотром и попытался засунуть лист в карман. Вот теперь я вмешалась.

– Тебе понравился лист? Он кленовый. Давай мы не будем класть его в карман, он там помнется и сломается. Давай я отнесу его домой в руках, а дома мы положим его в книгу?

Я не уверена, что Сенька понимал все, что я ему говорю, но слушал внимательно. А дослушав, кивнул, соглашаясь, и по сути, это было нашей первой беседой.

Мы не сразу пошли домой. Нагулялись, катались на скрипучих качелях. Сенька снова ушёл в себя, но тем не менее я была довольна и счастлива. В кафе на проспекте мы пили чай с блинчиками. Сеньке чай разбавили молоком, но он все равно боялся обжечься и старательно дул, смешно надувая щеки.

– У вас очень красивый сын, – сказала мне официантка.

Я расцвела в улыбке. В этот момент я так любила эту незнакомую девушку! Она сделала меня счастливой всего

несколькими словами. Домой шли, я улыбалась и держала лист в руках. Перед домом моя улыбка несколько поблекла.

– Сеня, – позвала я сына. – Ты уже знаешь, что я твоя мама. И теперь мне нужно сказать тебе, что кроме мам, у детей ещё случаются бабушки. И твоя бабушка, как раз сейчас нас ждёт.

Мама стояла у подъезда поджав губы. Все её лицо выражало скорбь и страдание. Причина проста – я отказалась в свое время дать ей ключи от квартиры. Мне нужно было место, где я могу зализывать раны после потери ребёнка и развода, а мама никак не способствовала гармонии в моей душе. И теперь мама напоминала мне об этом при каждом удобном случае.

– Я замёрзла, – сказала она обвиняюще. – Скоро зима, а я стою жду на улице.

Я вздохнула, призывая себя к терпению. Родителей не выбирают, так же, как и детей. Нужно просто любить их такими, какие они есть.

– Нужно было позвонить, – спокойно ответила я. – Знакомься мама, это Сеня.

Мама рассмотрела ребёнка внимательно. Видимо, он понравился ей внешне – Сенька красив, этого не отнять. Улыбнулась. Потом наклонилась и протянула ему леденец на палочке.

И бесполезно было бы говорить, что я не хочу давать ребёнку в два года настолько сладкое и вредное. Я растерялась,

не зная, как дать отпор. Выручил Сенька. Он спрятал ручки за спину, отказываясь принимать угощение, а потом и вовсе весь спрятался, за моей спиной.

– Невоспитанный, – неодобрительно покачала головой мама. – Ну, что с него взять, детдомовский.

– Мама, – возмутилась я. – Он же слышит.

Она отмахнулась – какие чувства могут быть у двухлетнего ребёнка? По её мнению никаких. Как у меня в детстве... в лифте поднимались молча, мама то и дело рассматривала Сенью.

– Ладно, зато красив, – наконец резюмировала она. – Во всем есть плюсы. А то с твоими данными такой ребёнок точно не получился бы.

Я задохнулась от обиды. Раньше, после такого разговора я бы ещё полночи редела. Теперь не буду. Теперь я сильнее. Я – сама мать.

Глава 7. Карим

Рита раздражала. Раньше я просто не замечал работы своей помощницы. Она всегда была под рукой, и при этом умела не мозолить глаза. Сидела в своей каморке, как Золушка, и являлась по первому зову. У неё были готовые ответы на все мои вопросы и галстуки к любой рубашке. Раньше я её в упор не замечал, а теперь понимал, насколько она мне необходима.

– Мне нужна Дарья, – задумчиво сказал я.

– Соскучился по своей страшненькой помощнице? – усмехнулся Дамир.

Я повернулся медленно, не успел даже ничего сказать, а Дамир поднял руки, словно сдаваясь.

– Я дам тебе знать, когда мне будет нужна твоя критика относительно внешности моих сотрудников, – произнёс я. – А сейчас заткнись.

Я не мог сказать, что Дарья была страшной. Просто незаметно и безликой. И на её фоне внешность Риты тоже была. Рита была слишком яркой, слишком шумной. Вот стоило только про неё вспомнить, как она вошла со стопкой документов и выгрузила их на стол с невообразимым грохотом. Если бы это была Дарья, мы бы её не заметили.

– До тех пор, пока ты будешь окружать себя лишь смазливymi девочками, – покачал головой я. – Так и будешь на

побегушках. Умнее нужно быть, Дамир. Красивые девушки привыкли добиваться своего иным путем.

Он вроде как согласился, но я знал – не исправим. На улице уже был вечер, по сути можно было заехать в ресторан, поужинать и закругляться на сегодня. Через пару дней трудоёмкая и изматывающая поездка, неплохо бы отдохнуть перед ней.

– Едем ужинать? – спросил Дамир.

– Сам, у меня дела.

Решение сформировалось спонтанно. Вышел из кабинета, у стола секретаря стоит Рита. Хихикает. Кто вообще придумал, что помощницы имеют право хихикать? Снова изнутри поднялось, всколыхнулось, словно муть со дна, раздражение. А мне с Ритой ещё четыре дня колесить по Европе. Вспомнился случай, когда Дарья выставила из моего номера нетрезвую девицу в одной из таких поездок, так как оказалось, владела зачатками итальянского. Я до сих пор гадаю, что она там ей сказала?

Детский мир ещё работал. Я прошёлся по рядам. Что любят маленькие дети? Он такой серьёзный, может ему лучше томик Достоевского подарить? Я легко мог не угадать с игрушкой, но я знал, что любят все мальчишки, без исключения.

Самокат. Их был целый ряд. Все, как один яркие и красивые. В моем детстве, пусть оно и было обеспеченных и сытым, такой красоты ещё не было. Я взял самую дорогую мо-

дель, красивую, мальчикового цвета, плюс ещё и перевертыш во что-то.

– Он подойдёт ребёнку двух-трех лет? – спросил я у консультанта.

– Именно на этот возраст и рассчитан, – белозубо улыбнулась девушка.

Я отказался от карты, которую она хотела мне оформить. Отчасти потому, что в дестком мире я был в первый раз в жизни, возможно последний, а ещё потому, что она стала бы звонить. Я ни на грош не доверял женщинам, у которых на лице было написано желание заполучить богатого мужчину.

По моей просьбе на самокат наклеили серебряный подарочный бант. Я ехал к Дарье, адрес у меня на всякий случай был сохранен, хотя я ни разу у неё не был. На заднем сиденье блестит хромированными деталями самокат, а я чувствую себя довольно глупо.

Лифт был тесным. Со мной наверх ехала женщина, у неё три пакета покупок из супермаркета, у меня самокат, места оставалось только чтобы дышать. К счастью, я вышел первым. Длинный коридор, куча дверей квартир. Я нашёл нужную и позвонил. Потом снова позвонил. И наконец, дверь открылась.

– Карим Амирович? – удивилась Дарья.

На ней был халат. Огромный такой, пушистый, настолько огромный, что угадать что там под ним просто невозможно. Но такой цели передо мной не стояло. Удивило меня другое.

Волосы. Дарья, видимо, только недавно вышла из душа, её волосы были чуть влажными, вились, и их было чертовски много, они падали на плечи, и слегка отсвечивали рыжим.

– Дарья, – сказал я вместо приветствия. – У вас волосы.

– Да, – согласилась она. – Если честно, то родилась я лысой, и лет до полутора наличием волос похвастать не могла. Но с тех пор они выросли и всегда со мной. Ещё что-то обсудим?

Я немного опешил. Дарья не перестала удивлять меня своим поведением. Слишком дерзкая, материнство на неё влияло странно. Даже подумал, может и правда, пусть сидит в отпуске, пока не станет привычной и удобной обратно? Потом вспомнил, что мне четыре дня торчать в Европе с Ритой, и решительно вошёл в квартиру.

– Я просто привык, что все ваши волосы в пучке, – пояснил я входя. – Пришёл я не обсуждать этот вопрос. Я понял, что был груб к вашему ребёнку и решил исправиться. Могу я его увидеть?

Она удивлённо вскинула брови и чуть отодвинулась – прихожая была достаточно тесной.

– Я его позову, но не обижайтесь, если Арсений не захочет с вами говорить.

Выразительно посмотрела на самокат в моих руках, и ушла в комнату. Я помимо волос отметил так же голые пятки. Незаметная Дарья ходила босиком и это почему-то смешило и удивляло.

– Сеня, – сказала Дарья, возвращаясь с ребёнком. – Этот большой дядя мой начальник. Утром он был очень сердит и теперь приехал, потому что не теряет надежды вернуть твою маму на работу. Ты возьмёшь его подарок?

Мальчик сделал шаг к самокату, который я поставил на пол. Он был в полосатых носочках, шортах и футболке, и выглядел ещё более маленьким, чем утром. Он смотрел на самокат, а я смотрел на ребёнка. Я видел, что самокат ему нравится. Желание обладать им горело в его глазах. Возможно, в его маленькой жизни ещё не было ничего настолько красивого. Он даже потянулся потрогать, но отдернул руку. Посмотрел на Дарью и вернулся в комнату.

– Простите, – извинилась Дарья. – Он не доверяет людям и ко всем подаркам относится с осторожностью.

– Всё в порядке, – откликнулся я. – Всё в порядке, умный мальчик, правильно делает. Самокат я оставлю, рано или поздно он привыкнет к нему и захочет покататься.

– Спасибо.

Мы минуту помолчали. Я смотрел по сторонам – интересно было, как живёт моя помощница. Квартира была маленькой, но очень уютной. Пахло ванилью – наверное, на кухне что-то пеклось. А я ужин пропустил...

– Дарья... – начал я.

– Нет, – покачала головой она. – Карим Амирович, я не могу поехать с вами в Европу, даже если вы купите мне десяток нянь. Вы же сами видите, как сложно завоевать дове-

рие ребёнка.

– Откуда ты знала, что я приехал, чтобы звать тебя?

– Я жила вашей жизнью два года, – улыбнулась Дарья. – А теперь немного нужно пожить своей. До свидания, Карим Амирович.

Дверь за мной закрылась, отсекая и маленького мальчика в полосатых носках, и запах ванили, и Дарью с возмутительно волнистыми и почти рыжими волосами, а так же – голыми пятками. Я минуту постоял, словно пытаюсь отделиться от всего этого, когда зазвонил мой телефон. Дамир.

– Карим, – взволнованно начал он. – Карим, у меня новости.

Глава 8. Даша

Этим вечером Сенька был не таким уставшим, поэтому за столом засыпать и не думал. Мы читали книжки. Он, который с такой готовностью прижался ко мне, когда испугался Булатова, сейчас сидел достаточно близко, чтобы разглядеть картинки, но все же немного в отдалении.

– Это жираф, – рассказывала я. – У него очень длинная шея. Я видела жирафа в зоопарке, он восхитителен. С тобой тоже ходим в выходные, да? А это малыш. Малыш жираф, и мама жираф, как мы с тобой.

Сеньке все было интересно. Ещё весь вечер он ходил по коридору туда-сюда, разглядывая самокат, но притронуться к нему так и не решился ни разу, хотя я видела – очень хочется.

А ещё перед сном у нас случился казус. Я расстилала постели, затем отлучилась намазать лицо ночным кремом. Когда вернулась, увидела, что Сенька уже лежит в кровати, укрывшись одеялом, а рядом, на стульчике, лежит подгузник.

Всё дети в детском доме были в подгузниках. Я понимала женщин, которые там работали – думаю, приучать к горшку и туалету довольно сложно, пусть пока с этим и не сталкивалась. Я знала, что придётся, но не хотела торопить Сеньку, у него и так вся жизнь сплошной стресс, все будет, но не сразу.

В теперь ребёнок сам с себя снял подгузник, отказываясь в нем спать.

– Ты уверен? – спросила я. В ответ, конечно же, тишина. – Теперь тебе придётся ходить на горшок, у нас его ещё нет. Значит унитаз. Он большой и тебе понадобится моя помощь. Ты меня позовешь?

Сенька был укрыт одеялом до самого подбородка, придерживал его руками и выглядел, как всегда – безумно мило. Смотрел на меня молча, глаза большущие карие, уже немного сонные. Думал несколько минут, а потом ещё раз кивнул.

Таким образом могу сказать, что мы с Сеней полноценно беседовали уже два раза, потому что кивок, это тоже ответ. Спать мне было ещё рано, я улеглась читать книгу, постоянно отвлекаясь мыслями и возвращаясь к тексту назад, перечитывала одни и те же страницы. Вспоминалась мама. Захочет ли она стать полноценной бабушкой, или не сможет побороть в себе необъяснимую брезгливость к ребёнку? То и дело в голову лез Булатов, великий и ужасный. Подумать только – привёз самокат! Не курьера отправил, а сам лично купил и привёз. Булатов был крайне сильным и умным мужчиной, это я безоговорочно принимала, но он совершенно игнорировал бытовые мелочи повседневной жизни. Ни одной любовнице своей он не выбрал и не купил цветов – все делала я. Даже знала, что вот Наталья любила розы, а Виктория предпочитала пионы. Я немножко ненавидела этих женщин за то, с какой лёгкостью они проводят время в компа-

нии непостижимого Булатова, смеются его шуткам, принимают его поцелуи, но исправно выбирала подарки так, чтобы девушки были довольны. Потому что это моя работа, а к работе я всегда относилась ответственно.

Поэтому подарок доставленный Каримом лично значил невероятно много, и я то и дело гнала непрошенные мысли прочь. Подарок ничего не значил – он для моего сына. И да, черт побери, у меня есть сын. И вот он доминировал надо всеми моими мыслями. Мы будем счастливы. Я – уже счастлива.

Ночью мне приснился Булатов. Не в первый, и боюсь не в последний раз.

– Ты будешь делать все, что я захочу, – говорил он, покручивая в пальцах дорожную, декорированную платиной и бриллиантами ручку. – Иначе я заберу у тебя то, что дорого тебе больше жизни.

Я подумать не могла, что ему понадобится моё тело – Булатов всегда смотрел на меня равнодушно, все его любовницы были обольстительными красотками с идеальными телами. Куда мне с ними тягаться? Значит ему нужно от меня что-то деловое. А потом я поняла.

– Вам нечего у меня забрать, – улыбнулась я. – Мне дорог только мой сын. А зачем вам чужой ребёнок?

Ручка выпала из его пальцев и со звоном покатилась по столу, затем упала на пол. Булатов наклонился ко мне, и взгляд его был таким хищным, таким жестоким, что я

проснулась в холодном поту.

Проснулась и долго не могла унять сбившееся дыхание. Потом повернула голову посмотреть – Сенька спал на самом краю постели, почти в ногах. Наверное, бедняжка дожидался, пока я усну, чтобы прийти.

Хотелось обнять его. Сказать, что мы вместе навсегда, что никто нас не разлучит, что мы – семья. Прижать его к себе крепко-крепко. Но я помнила, как для маленького ребёнка важно личное пространство. Мы станем ближе друг к другу, но я не буду давить, этот путь я пройду не торопясь, маленькими шажками. Я не хочу спугнуть свое счастье.

На следующий день мы тоже много гуляли. Крайне много. Ели сахарную вату – испачкались оба, зато, как весело было. Сенька снова улыбнулся, и каждую его улыбку я бережно сохраняла в своей копилке воспоминаний. Каждая мне дорога. Настроение испортили внезапно, на выходе из парка.

Мы шли за руку. Этот выход из парка был небольшим – калитка в заборе из витого металла. Мужчина, неопрятный, в порванной куртке и грязных штанах запнулся, и упал прямо нам под ноги. Испуганный Сенька отпрянул. Я подхватила его на руки – малыш трясся всем телом. От грязного мужчины пахло алкоголем, я сделала вывод – пьяных людей Сенька уже видел. Запомнил и до сих пор боится.

– Грядёт судный день, – скачал мужчина и глупо захихикал лёжа прямо на асфальте. Я обернулась, ища пути отступления. – Что мальчик, смотришь на меня, думаешь жизнь

сахарная? Ни фиги! Гавно жизнь, сынок. И ты своего хлебнешь, маленький. Тучи сгущаются!

Я торопливо пошла прочь, снова в парк. Обойду лучше. Сенька все ещё дрожал и смотрел на лежащего на земле мужчину поверх моего плеча.

– Не слушай его, – погладила я сына по спине. – Он глупый. Мы вместе. Если что-то будет плохо, мы справимся. Потому что мы – семья. Мы будем счастливы.

День был ярким, солнечным, неповторимым, какие бывают только поздней осенью. Сенька на моих руках был так близко, что я могла вдыхать детский запах его волос. Вот только состояние покоя вернуть больше не получалось.

Глава 9. Карим

– Карина, – сказал Дамир. – У меня есть новости о Карине.

Больше я ничего не спрашивал. Мне казалось, что трепаться по телефону сейчас – просто терять время. Я побежал.

Табло лифта показывало, что он стоит на первом этаже. Некогда ждать. Я побежал по ступенькам вниз, перепрыгивая через пять штук разом. Вылетел из подъезда, в машину, по газам.

Мне принадлежала одна из логистических компаний. А так же большой гараж, где машины проходили осмотр, стояли на покое, порой здесь проводили разгрузку. Мой путь лежал туда. Давно темно, начался дождь. Сторож чертовски долго открывал ворота, а быть может мне это только казалось. Парковка занята большими машинами, приткнул свой внедорожник, где смог и побежал под дождём. Капли попадали на лицо, зашировот распахнутого пальто, но я не ощущал их холода.

Ангар большой, пахнет машинным маслом. Отдаётся гулко эхо. Бетонный пол чуть поскрипывает под моими шагами пыльной крошкой. Она взвивается в воздух, оседает седой плёнкой на ткани брюк. Пересекаю всю площадь ангара вдоль, затем ныряю в одно из боковых ответвлений. У дверей один из службы безопасности, значит Дамир иногда все

же включает голову. Я кивнул ему и вошёл.

– Я не поехал жрать, – почти виновато говорит Дамир. – Скучно. Я поехал в рутину.

"Рутина" одно из самых злачных заведений нашего города, я бывал там, и не раз, но уровень развлечений, которые там предлагали, я давно перерос. По моему мнению наркотики зло и человеческая слабость, быстрый секс с кем попало вызывает у меня чувство брезгливости, а алкоголь я предпочитаю дорогой и качественный. Дамир об этом знал, и каждый раз наведываясь туда, оправдывался, словно это имело для меня значение.

– Кто это? – спросил я.

– Ты не помнишь, – пояснил Дамир. – Один из друзей Карины. Рома, она называла его Ромашкой...

Дружок моей бывшей жены выглядел жалко – губы разбиты, под глазом назревает гематома, одежда извазюкана в гаражной пыли.

– Не помню, – подтвердил я. – Карина очень любила ущербных дегенератов, разве упомнишь всех?

Я легонько пнул его, парень застонал. Ему явно уже досталось.

– Убегал. Ловить пришлось, благо охрана в рутине прикормленная... помяли немного.

Я присел перед сидящим на земле парнем на корточки, как недавно перед мальчиком Дарьи.

– Ну, – сказал я. – Будешь что-нибудь рассказывать, Ро-

машка?

Он стиснул зубы и отвернулся. Я пнул его снова, затем кивнул человеку из охраны, что стоял за спиной Дамира. Я не любил причинять боль, никогда не делал этого без лишней нужды, вот сейчас, как раз – нужно. Раздались звуки ударов, стон, а затем и сдавленный крик.

– Он видел Карину. Больше полугода назад. Здесь, в России.

Я стиснул кулаки. Остановил избиение, дёрнул парня за шкурку к себе.

– Знаешь, сколькими способами я мечтал убить бывшую жену? – тихо спросил я у него. – Сотнями. Некоторые из них были весьма изощренны. Только вот беда, Карина далеко. А ты – рядышком. Помоему самое время испытать некоторые из способов в деле.

– Да не знаю я ничего! – сдавленно крикнул Ромашка. – Она позвонила мне с чужого номера. Полгода назад, может больше, месяцев восемь назад. Сказала, что временно тут, но в город соваться боится. Торчала на какой-то даче, я к ней поехал...

– А почему молчал? Ты знал, что я ищу её?

– Знал... она сказала, ты её убьёшь. А она ничего плохого не сделала! И денег мне дала...

Я стиснул зубы до такой степени, что они скрипнули, кажется вот вот искрошатся в крошку. Деньги. Все эти месяцы она шантажировала меня ребёнком и тянула из меня день-

ги. Я давал. На Карину мне было плевать. Мне было жаль ребёнка. Я платил за то, чтобы он был здоров и сыт. Я платил, потому что не мог их найти, чёртова планета слишком большая.

– Ребёнок, – наконец спросил я. – С ней был ребёнок?

– Был, – простонал парень, а моё сердце перестало биться. – Мелкий, года полтора. Светленький. Он плакал, Карина на него кричала. Сказала, что он ей надоел, но отдавать тебе не хочет, потому что ты не заслужил. Но она придумала, что надо делать.

– Придумала, – сдавленно проговорил я. – Придумала...

Закурил сигарету, а затем и вовсе отхлебнул из фляжки, которую мне протянул Дамир. Европа, мои переживания из-за помощница показались сразу такими мелкими и не существенными. Первый раз у меня появился настоящий след. А ещё страх. Что она придумала, эта сумасшедшая женщина?

– Этого не отпускать, – кивнул я на Ромашку. – Пусть пока посидит. Ищем Карину. В России. По каким документам въехала. Что делала, куда ходила, вплоть до того, сколько раз сходила в туалет. Ясно? И ребёнок. Главное, это мальчик. Он важнее всего.

Отбросил докуренную вполовину сигарету в сторону, раздавил подошвой ботинка. Закрыв глаза. Страшно стало. Страшно за маленького беззащитного мальчика. И вместе с тем в душе загорелась надежда, маленький огонёк, но такой яростный – никак и ветрам не задуть.

Глава 10. Даша

Неделю нас не трогал вообще никто. Только пару звонков с работы. Один раз звонила Рита, у неё был очередной форс мажор, из этого звонка я узнала, что Булатов в Европу не полетел. Вместо него – Дамир. Рита была в восторге, потому что босса она боялась, а Дамира нет. Боюсь в результате этой поездки Булатова ждёт провал на работе, Дамир там все завалит, зато список его любовных побед станет на одну Риту больше.

– Нас все это не касается, правда? – сказала я Сеньке.

Тот внимательно выслушал и кивнул. На улице уже совсем холодно, на Сеньке зимний комбинезон. Снег ещё не лёг, он сыплется с неба по ночам, утром, словно передумав – тает, оставляя после себя слякоть. Раньше я не любила это время года, машины у меня не было, а пробежки по грязи так себе удовольствие. Вечера казались длинными и унылыми, а теперь все иначе. Два одиночества совместились, моё и Сенькино, получилась маленькая семья. Я была счастлива.

У Сеньки в руках кусок морковки. Мы кормим коз в зоопарке. В этом загоне их две, девочка и мальчик. Мальчик самый натуральный козёл – видя угощения он просто отпихивает свою даму в сторону и все съедает сам. Девочке тоже хочется моркови, но она не может противостоять, ей не хватает сил и смелости.

И мой маленький сынок все это видит и понимает. В вафельном стаканчике у него оставалось четыре брусочка моркови, три из них сожрал наглый козёл. И теперь Сенька не решается протянуть последний кусочек, ведь понимает – снова съест козёл и девочке не достанется. В Сеньке уже живёт жажда справедливости. Он смотрит на меня и не знает, как поступить.

– У меня есть план, – подмигиваю я. – Смотри за мной и все поймешь.

Я отбегаю к дальнему углу ограждения и призывно стучу по забору. Козёл радостно мчит ко мне и тычется бородатой мордой между прутьев забора. Козочка остаётся там, где была – она уже не ждёт от этого дня ничего хорошего.

– Давай, – одними губами, чтобы ушлый козёл не услышал и не понял, говорю я Сеньке.

Он понимает меня с полуслова. Тянет кулачок с зажатой в ней морковкой. Козочка принимает её и хрустит. Козёл бежит обратно, но уже поздно, морковь съедена. Надеюсь, коза счастлива. Мой сын – точно. Он улыбается. Очередная его улыбка отправляется в копилку моих лучших воспоминаний.

Мы пахнем зоопарком. Сеном, козами, кроликами, одного из которых нам разрешили подержать. У Сеньки горят глаза. У вольера с жирафом он стоял молча минут пятнадцать, до того его поразила красота и грациозность этого животного.

Сенька так нагулялся, что снова клюёт носом – значит отбой будет ранним. Он принимает ванну с пеной, и сидит в ней очень долго, я купила игрушку-лягушку, которая выплевывает изо рта пузыри, с ней мой сын готов бултыхаться в воде вечно.

Перед сном я читаю ему. Мне кажется, что расстояние, на котором он сидит чуть в стороне от меня, с каждым днем сокращается, и однажды Сенька прижмется ко мне во время чтения, и уснет так, прислонившись щекой к моей руке.

Комната немного изменилась. В ней стало больше игрушек. Осторожный Сеня не гребет в магазинах все подряд, он ко всему относится с опаской, и в магазине всегда берет только одну игрушку, сколько бы не предложили. Зато её он выбирает тщательно, и долго потом не выпускает из рук. И я безумно рада, что он принимает то, что я ему даю, ведь самокат так и стоит в коридоре, занимая место, желанный, но неостребованный.

Уснул. Я укладываю его поудобнее, накрываю одеялом и иду заниматься своими делами. Я знаю, что Сенька придёт. Каждую ночь дожидается, когда я усну и приходит со своей подушкой.

Этой ночью я проснулась от телефонного звонка. Больше двух лет я не ставила телефон на беззвучный вообще – Булатову я могла понадобиться в любой момент. И сейчас, в два часа ночи звонил он. Скосила взгляд на ребёнка – спит в ногах. Вышла из комнаты и закрыла за собой дверь.

– Да? – спросила я шёпотом.

– Дарья, – сказал Булатов. – Дарья, открой дверь пожалуйста.

– Зачем? – удивилась и не поняла я.

– Затем, что я за ней.

Я удивилась ещё больше. Подошла, глянула в глазок – долговязая фигура моего босса действительно маячит за дверью. Открыла. Посторонилась, пропуская босса внутрь.

– Здравствуй, Дарья, – поздоровался он, обдавая меня запахом алкоголя.

– Здравствуйте, Карим Амирович, – ответила я, не зная, как реагировать.

– Я тут посижу, – обрадовал он, и сел прямо на пол, возле самоката. – Кофе сварил, Дарья.

Я прошла на кухню. У меня не было кофе машины, и вообще я не фанат кофе, пью его только по необходимости. Заварила растворимый из банки, надеюсь элитному избалованному желудку босса не поплохее. Отнесла, протянула. Потом принесла табуретку, села тут же, рядом.

– Я же никому не доверяю, – горько сказал Булатов. – Особенно бабам. От баб после развода вообще ничего хорошего не жду. Ты не считаешься, ты же помощница...

Не баба, мысленно добавила я, и тоже горько стало. Мне хотелось быть красивой, только не умела, не находила храбрости в себе. Особенно с Булатовым. Страшненькой быть проще.

– Поттише пожалуйста, попросила я. – У меня сын спит.

– Сын, – улыбнулся пьяно Булатов. – У меня тоже сын есть. Только это засекреченная информация. Мне нужно с кем-то об этом поговорить, а ты это уже почти я. Тебе можно верить.

Я посмотрела на босса. Два года я решала все его вопросы и не подозревала даже о наличии у него ребёнка. Что разведен был, знала, но ребёнок...

– Жена была беременна на момент развода, – продолжил он. – Грязно мы разводились... она решила отомстить и заодно подзаработать. Знала, что ребёнка не брошу. Звонила, издевалась, говорила, что никогда не найду их. Требовала денег. Я давал... чтобы не навредила ребёнку. Я бы все деньги отдал взамен, но ей нравилось, что я страдаю.

– Я не знала, – растерянно произнесла я.

– Никто не знает, – отмахнулся Булатов. – Господи, Дарья, твоим кофе можно дырки в людях прожигать.

Я не обиделась – во мне горело сочувствие. Теперь я знала, каково иметь ребёнка. И мне страшно представить, каково его лишиться. Не хочу об этом думать. Я никогда не видела своего босса таким уязвимым. Он всегда был так равнодушен ко всему...

– Вы его найдёте, – ободряюще сказала я. – А ваша жена не обидит ребёнка, она же мать. Она его любит.

– Эта никого не любит, – покачал головой Булатов. – И да, я найду своего сына. Она ввезла его в Россию почти девять

месяцев назад, представляешь? По левым документам. Как девочку ввезла... Элла Стивен он, черт. Кто бы стал подозревать что Элла Стивенсон, которой едва больше года, мой сын? Да никто... она пробыла в России две недели. А потом уехала без ребёнка. Что это значит, Дарья?

– Что?

– Что он в России, Дарья.

Вскинул резким движением опущенную до этого голову, посмотрел прямо мне в глаза. Его глаза – тёмные. Подбородок и щеки заросли тёмной щетиной. Скулы обозначились резче – похудел. Алкоголем пахнет, но он не выглядит пьяным. Просто сильно-сильно уставшим. И я так сопереживаю его горю, что в первый раз смотрю на него не как на авторитарного босса, а как на человека, который не может управлять всем. Мне просто по-человечески его жаль. И желания совсем странные. Хочется опуститься рядом с ним на пол, прижать к своей груди его заросшую голову – Рита так и не записала его к барберу, прижать и гладить по волосам. Может даже поцеловать в макушку. И плакать, потому что страшно за маленького мальчика, который один где-то в такой необъятной России. Как давно я плакала в объятиях мужчины? Вечность назад.

– Вы найдёте его, – говорю, и конечно же не делаю ничего из того, о чем мечтала.

– Да, – тихо говорит Булатов. – Да.

Свет горит только на кухне, мы сидим в тёмной прихожей,

я на табуретке, Булатов на полу. И я вдруг понимаю, что так близко мы никогда не были, и никогда не будем.

Дверь моей спальни открывается тихо. В проёме стоит Сенька. Маленький и серьёзный. Смотрит на меня, как всегда, молча и выжидающе.

– Он боится пьяных, – тихо говорю я. – Карим Амирович, вам лучше уйти.

– Без проблем, – отвечает Булатов. Тяжело поднимается на ноги, все же поворачивается к Сеньке. – У меня тоже пацан есть. Сын. Вот найду его, дружить будете...

Дверь за ним закрывается и мы с Сенькой остаёмся в полной тишине, которая больше не кажется уютной.

Глава 11. Карим

Мне кажется, я разучился спать. Тратить время на сон было просто грешно. Карина приехала в Россию с ребёнком, а уехала без него. Мой сын где-то здесь. В Европу я не поехал, какая Европа, если сын где-то здесь. Огорчало только то, что Россия огромная. И пугала неизвестность. Что с моим сыном? Жив ли? Здоров? Не в опасности ли он сейчас? Столько вопросов, все, как один страшные, ни на один нет ответа.

– Я думаю она не могла его просто оставить, – говорил я Захару, главе своей службы безопасности. – Она кому-то его отдала. Да, я уверен, что она не питала к ребёнку материнской любви, но сын это ключ к моим деньгам. Такой ключик она бы не выбросила. Думаю, она его спрятала.

Захар кивал. Мы перерыли всех. Она не стала бы оставлять столь ценное вложение денег, как мой сын незнакомым людям. Значит это кто-то знакомый. Близкий, кому она доверяла.

Ромашка, который просидел у нас две недели отъелся и даже приобрёл цветущий вид, оторванный от алкоголя и разгульного образа жизни. Не портили картину даже заживающие синяки. Он принёс мне главную информацию, о том что сын в России, но больше ничего.

– Да вы же знаете её, – мрачно говорил он. – Закрытая. Приятелей куча, по-настоящему не дружила ни с кем. И ни-

кто не знал, какая она на самом деле.

Он был прав. Я тоже купился на её закрытость и молчаливость – именно такая жена нужна была, казалось. Спокойная, уравновешенная... а я просто не знал, что пряталось под её маской.

Мы десятки раз перетряхнули всю её биографию. Сотни "друзей" и знакомых. Никто не знал Карину по-настоящему и не видел в последние годы, а использовали мы все, от давления до детектора лжи. Поиски встали.

Тогда я поехал к её родителям. Жили они в провинциальном городке, не так далеко. Знакомство с ними тоже сыграло свою роль при выборе жены. Мусульманская семья. Красивый опрятный домик. Цветущий сад за окнами. Пожилые супруги, которые стали бы идеальными бабушкой и дедушкой, я буквально видел, как по их саду бегают, заливаясь смехом, ребёнок. Только не срослось ничего.

– Я больше двух лет её не видела, – покачала головой мать Карины. – Не могу помочь вам в её поисках.

Они винили меня в пропаже дочери. Ещё бы, молодой олигарх сгнобил их деточку и наверняка издевался. Именно поэтому она и сбежала – спасала свою жизнь.

Но воспитание и правила приличия делали свое дело. Меня встретили почти гостеприимно. Закипал на плите чайник, на столе покрытом белоснежной скатертью уже стоят приборы и многочисленные угощения. Визит сюда мне ничего не даст, с горечью понимаю я.

– Резеда, – прошу я. – Кто знает вашу дочь лучше вас? Я не причиню ей зла.

– Не знаю, – снова качает головой она.

Её волосы закрыты платком. Но семья давно обрусевшая, как впрочем и моя, поэтому платок лишь дань традициям. Мать моей бывшей жены не глядя на меня разливает чай. И я вдруг решаюсь сказать то, что знают лишь единицы.

– Она родила. Сына. Чуть больше двух лет назад. Мне сказала, когда ребёнку уже три месяца было. Пряталась, шантажировала меня ребёнком, таскала его за собой по всему миру. А потом устала от него. Привезла в Россию и здесь оставила. С кем? Мы проверили всех. А мальчик может быть в опасности, ему всего два года, чуть больше.

Я кладу на белоснежную скатерть фотографию. Ту самую, единственную. На ней сыну два месяца, он смешной и серьёзный одновременно. Резеда берет фотографию и руки её трясутся от волнения. Карина её единственная дочь. Других внуков может и не быть. Она долго смотрит на фото, затем закрывает глаза, шепчет что-то одними губами, возможно, молитву, и медленно поглаживает пальцами изображение ребёнка.

– Ничего мне не сказала, – горько заключает она. – Никогда не говорила, а ведь идеальная дочка...

Да, я тоже думал, что идеальная. Всем свойственно ошибаться.

– Подумайте, – немного давлю я.

– Она же молчит, – улыбается грустно Резеда. – Сама милая, а лишнего слова не вытянешь. Но знаете... сейчас я подумала. Она два года жила в общежитии, пока мы с мужем не смогли ей квартиру купить, пока училась. И на первом курсе она привезла на зимние каникулы сюда девочку. Та нам не понравилась. Развязная. Мы наших детей так не растим. Курила. Смеялась так, что стекла дрожали. Пила... Мы на людях отчитывать дочь не стали, но наедине сказали, чтобы больше не дружила. Дочь была послушной, и перестала. А потом ту девочку вовсе отчислили и история забылась.

– Вы помните, как её зовут? – с дрожью спросил я.

С дрожью, потому что всех университетских знакомых тоже давно опросили. Резеда встала и пошла в комнату дочери. В ней все было, как и раньше – невозможно перестать любить своего ребёнка, даже если он разочаровал. Ни одной пылинки на поверхностях, на стенах постеры с популярными певцами и актёрами той поры. В шкафу, коробка. В ней школьные фотографии, которым не нашлось места в альбомах и прочая ерунда. Ищет Резеда долго, я жду. Наконец фотография находится.

На ней Карина и светловолосая девушка. Незнакомка заразительно смеётся. Юбка на ней непозволительно коротка – понимаю возмущение Резеды. На обратной стороне фото аккуратным почерком написано – Карина и Таисия, новый две тысячи двенадцатый год. Беру фото. Таисия редкое имя и девушка отыщется быстро.

Фото я забрал с собой. В университетской архивах Таисия нашлась быстро. Она и правда вылетела в первую же сессию, просто не пришла на половину зачётов и пересдавать их не захотела. Училась она на другом факультете и на первый взгляд их с моей бывшей женой ничего не связывало.

– Не надо слишком надеяться, – попросил Дамир. – Уже столько следов были ложными.

Но мне казалось, что сейчас мы на верном пути. Ещё четыре дня ушло на то, чтобы найти местонахождение девушки. Она выписалась с прежнего места жительства уже давно, по месту последней прописки не жила, затем нашлась. В областном провинциальном центре, далековато забралась. Я вылетел той же ночью, с парой человек охраны.

Ночь была чертовски долгой. Самолёт трясло и мотало из стороны в сторону, выйдя из него вместо привычной для нас слякоти мы обнаружили целую метель. Здесь было гораздо холоднее. Но меня распирало изнутри огнём желание найти своего сына. И казалось – уже близко.

Таисия жила в частном доме на окраине. Только дом был несравним с аккуратным домиком Резеды, там каждая деталь была выполнена с любовью и к своей семье, и к своему жилью. Здесь серый забор покосился. Через прорехи в нем видно заснеженный двор. В огороде торчат кочаны неубранной капусты, такие же почерневшие, как и все вокруг, но украшенные снежными шапочками. Тощий пёс прикованный цепью к будке при видя нас поднял голову, но ему не

хватило сил и желания лаять. Вокруг будки был чёрный круг земли – ровно по длине цепи.

Одно из окон дома было заколочено, в остальных можно было разглядеть занавески. Только то, что несчастный пёс ещё жив говорило о том, что дом, скорее всего, обитаем.

Мы вошли через незапертую калитку. Сам дом закрыт, впрочем с замком Игорь, один из моих сопровождающих, справился быстро. Дверной косяк тоже был чуть покосившимся и низким, пришлось нагнуться. Внутри пахнет сигаретным дымом и алкоголем. И никого. Бардак. В большой комнате расстелен диван, на нем скомканные грязные простыни. Рядом на стуле пепельница полная окурков. Давно не мытые окна с трудом пропускали свет. На кухне на плите, покрытой коростой засохшего жира, кастрюля с макаронами. На столе хлеб, ещё не зачерствевший.

– Значит скоро придёт, – резюмирует Игорь. – Подождём.

Ждать внутри невыносимо. Меня корбит от мысли, что мой сын, возможно, был вынужден жить здесь. И дело не в нищете. Я видел бедных людей, которые жили достойной жизнью. Дело в этой грязи, в неуважении к себе и своему дому... на моих глазах по стене пробежал таракан. Это было ужасно.

– В машине подождём, – бросил я. Прошли мимо замученного пса, к припаркованной в стороне от дома арендованной машине. Пёс проводил нас печальным взглядом. Я повернулся к охране, – Игорь, сбегай в магазин, купи собаке

пожрать.

Ждали мы два часа. Казалось бы, ерунда, по сравнению с двумя годами, но все равно – слишком долго. Периодически выходил курить. Машину мы припарковали за углом, чтобы не спугнуть нашу Таисию нечаянно, по этой же причине не опрашивали пока соседей, которых впрочем, не было видно.

А потом показалась женская фигура. Шла она чуть покачиваясь. В руках пакет из дешёвого супермаркета. Зря боялись её спугнуть – по сторонам она не смотрела. Не заинтересовали её и чужие следы. Не удивил пёс, сытый, впервые за всю свою собачью жизнь, он ел до тех пор, пока не округлился ввалившийся живот, потом просто перестали давать еду – испугались, что умрёт.

Она вошла, мы пошли следом. У дверей дома она немного напряглась, увидев сломанный замок, но все же вошла внутрь. Мы увидели её уже на кухне, без пуховика. Под кастрюлей с макаронами горел огонь.

– Здравствуйте, – сказал я.

Можно было сесть, но сидеть здесь ни на чем не хотелось. Женщина сначала испугалась, а потом... рассмеялась.

– Говорила мне Карина, что у неё муж мафиози, а я не верила, – пожала плечами она. – Любит моя подружка приврать. Выпить хотите?

– Нет, – сдерживая нетерпение сказал я.

Она снова плечами пожала, открыла бутылку и налила прямо в чашку. Выпила, откусила кусок хлеба, села на стул.

– Вы небось всякие бурбоны пьёте, – мечтательно протянула она. – А мы народ нищий, простой.

Ей было всего двадцать девять лет. Но казалось – все пятьдесят. Алкоголь оставил явные следы на её лице, и сквозь них была красота читалась с трудом, а ведь она была очень красивой раньше, одна улыбка чего стоила.

– Она привозила вам ребёнка? – не стал тянуть время я.

И положил на грязный стол пачку денег. Глаза женщины загорелись, и даже снова красивыми живыми стали. Она потянулась к деньгам, но я покачал головой. Сначала информация.

– Да привозила... годика полтора ему было. Сказала, что его ищет мафия. Вы, то есть. И что Карина в опасности, а ребёнка спрятать надо. А тут его кто будет искать? Никто и не искал, – развела руками она.

– Он жил здесь?

– А вам что, не нравится? Я заботилась о нем. Своих то детей у меня быть не может, с тех пор, как аборт сделала... я готовила ему каждый день, мы гулять ходили. Опять же газ у меня есть... Он даже плакать меньше стал, спокойнее ему было, чем с мамкой, мамка то больно шебутная.

– Вы пьёте, – сказал я.

Я заставлял себя не торопиться. Дать ей досказать все. И я боялся ответа на главный вопрос.

– Ну и что? Все пьют. А маленького тут никто не обижал, все мои друзья его любили.

– Где ребёнок сейчас?

Таисия улыбнулась, ещё раз выпила, затем неспеша закурила. Макароны начали подгорать, она выругалась и выключила под ни и огонь.

– Весной, – начала она. – Да, весной, вначале, я ездила к мужику. Есть у меня мужик, километров сто от города. Ну и грешна, выпила... Утром проснулась, мальчишки нет. Думала помер. Думала, приедет Карина, что я скажу ей?

– Дальше, – поторопил я, слыша, как от ужаса моё сердце бьётся где-то в ушах.

– У нас тут все нищие, – продолжила она. – Никого детьми ненужными не удивишь. Зинка, соседка, так вовсе троих мелких дома оставила и к хахалю уехала. Неделю они дома сидели, пока я ментов не вызвала. Благо, живые...а там младшему годик всего.

– Дальше! – рявкнул я, теряя терпение и самоконтроль.

– Да все с твоим сыном хорошо, – обиделась Таисия. – Нашли его. По новостям даже показывали местным, мамку искали. Я уж звонить не стала, что я скажу? У меня даже документов никаких на ребёнка не было. И номер Карины я тоже потеряла. Вот приедет, скажу, в детдоме твой сын. А что, там хорошо, сыто тепло, на всем готовом...

Я опустил на стул, забыв про свою брезгливость. Мне просто нужно было посидеть. Минуту. Таисия деловито накладывала в тарелку подгоревшие макароны, а я сидел, и под звон в ушах осознавал, что я знаю, где искать моего сына. И

ЧТО ОН СОВСЕМ БЛИЗКО.

Глава 12. Даша

Месяц. Я была мамой целый месяц. Сенька не начал чудесным образом разговаривать, но смотрел на меня без настороженности. Мы оба привыкли друг к другу, и это, без преувеличения, было прекрасно. Я наслаждалась каждым мгновением материнства. И как только все немного поуспокоилось мы с Сенькой стали ходить по врачам. Я не хотела, чтобы происходящее походило на медицинскую комиссию, это стресс и для взрослого. Я сказала себе – мы никуда не спешим. Один специалист раз в несколько дней. Сегодня мы были у психолога. В красивом светлом кабинете Сеньке понравилось. Он играл, доктор, милая девушка, примерно моя ровесница, с удовольствием за ним наблюдала.

– Чудесный малыш, – заключила она. – Вам повезло друг с другом. Вы настолько профессионально себя ведёте, что я даже не уверена, что вам нужна моя помощь.

– У него много страхов, – неуверенно ответила я. – Я не хочу их усугубить.

Сенька играл в кубики. Кубики он любил любые. И сначала, прежде чем строить башни он рассматривал каждую картинку на каждой стороне. Словно старался запомнить, словно это имело значение.

– Детская память щадяща, – сказала девушка. – Она выбрасывает многие воспоминания. Но она избирательна. Се-

ня не помнит, как он оказался ночью на парковке, кто его там оставил. Но он помнит ощущения. Помнит холод. Темноту. Страх быть одному. Так же и с алкоголем, он наверняка не помнит, кто его напугал, но запах вызывает стойкие ассоциации и страх. Поэтому даже забытые давно события оставляют глубокие раны в душе, психологические травмы, от которых сложно избавиться. Так дети, которые голодали по-настоящему, потом будут переедать и прятать еду впрок.

– И как быть?

– Так же, как и раньше, Дарья, – улыбнулась она. – Вы все делаете правильно. Просто любите его и будьте рядом. Пусть он верит вам и верит в вас, не подводите его.

Домой шли не спеша. Золотых листьев, так любимых Сеней уже не было, мокрую грязь сковал лёд. Теперь у Сеньки была новая забава. Он находил лужи, которые пересохли под тонкой коркой льда, и медленно вышагивал по ним, глядя, как по поверхности льда разбегаются хрусткие трещинки.

Силы продавить лёд до сухого дна у него не хватало, но он топал, старался, а я рядом стояла. Иногда, делала фотографии – их мало не бывает. Любой момент рядом с Сенькой мне казался достойным увековечивания.

Я доставала телефон, чтобы сфотографировать, какое у Сеньки смешное сосредоточенное лицо, когда раздался хруст. Секундная паника, но ребёнок на месте, мало того, счастлив. Ему наконец удалось сломать корку льда ботинком, первый раз.

– Мама! – сказал он и моё сердце совершило тройной кульбит в груди.— Мама!

И пальчиком показал на дырку во льду – получилось. Мне хотелось и смеяться, и плакать, и тискать и целовать своего мальчика, но я помнила, что с ним надо быть осторожной. Всплески эмоций тоже могут испугать.

– Молодец, – улыбнулась я. – Ты стал ещё больше и сильнее, и у тебя все получилось. Я горжусь тобой.

Сенька выломал кусочек льда и нёс его домой всю дорогу. Я опасалась, что в рот засунет, но для этого Сенька был слишком серьёзен и деловит. Поэтому просто нес, и донёс, а дома льдинку определили в морозильник.

От мороза детские щеки зарумянились, кудряшки примялись шапкой. Сенька сидел за столом и с удовольствием пил какао, заедая булочкой, а я любовалась им. Больше он ни разу ничего не сказал, но произнесенное дважды словно выжгло душу насквозь. По хорошему выжгло, оставляя шрам, который я буду носить с гордостью, раз за разом вспоминая, как оно было. Мама!

Телефон зазвонил вырывая из тёплых мыслей. Я посмотрела на экран, чертыхнулась, но вышла в коридор и взяла трубку.

– Дарья! – требовательно проговорила женщина. – Карим не берет трубку! Мы должны были лететь к морю на выходные, я три купальника выбрала! Он не берет трубку!

Господи, как я устала от женщин Карима. Я была бы рада

не общаться с ними, но они похоже передавали друг другу мой номер, как преходящее знамя, иного объяснения у меня не было.

– Рита...

– Эта дура ничего не знает, – рассердилась собеседница.

– Карим Амирович занят работой, – спокойно ответила я. – Если он сочтет нужным, то сообщит вам необходимую информацию сам.

Как её зовут? Диана? Виолетта? За два года они просто слились в одно надоевшее нечто. Я сбросила звонок, а потом и вовсе заблокировала номер. Что мне за это будет? Пока я выйду из отпуска, у Булатова уже новая женщина будет.

– Нас это ничего не касается, – сказала я Сеньке, возвращаясь на кухню. – Мы с тобой без них счастливые, да?

Налила себе какао. Сделала горячее, чем Сеньке. Отхлебнула и с удовольствием закрыла глаза. Сенька протопал к холодильнику, проверять, как в морозилке поживает его льдинка. А я вдруг подумала, что там делает Булатов? Быть настолько не в курсе его дел было дико и непривычно. Хотелось набрать Риту и спросить, что происходит, но я удержалась. Он наверняка ищет сына. Я мысленно пожелала ему удачи, и даже стыдно вдруг стало – Булатову так плохо сейчас, а я просто бесстыдно счастлива.

Я погрузилась в свои мысли настолько, что не заметила стук. Сеньке пришлось потрепать меня по коленке, привлекая внимание.

– Что? – встрепелулась я.

Детский пухлый пальчик показал на входную дверь. В неё стучали. Звонок я отключила, потому что резкие громкие звуки тоже Сеньку будоражили. Посмотрела в глазок и отпрянула – Булатов. Стоило только вспомнить. Помнила, что он может быть нетрезв, и решила не пускать его в квартиру. Обула тапки и вышла из квартиры.

– Здравствуй, Дарья, – устало сказал Булатов.

С барбером он так и не встретился, и тёмные волосы успешно добрались до воротника и теперь намеревались закрутиться в кольца. Кудрявый Булатов – это что-то непостижимое, я привыкла к тому, что его волосы предельно короткие, почти ёжик. А ёжик у него на лице теперь, давно не брился. Осунулся ещё сильнее. В глазах усталость и боль, словно он со всем миром воевал в одиночку. Моё сердце затопила непрощенная нежность к боссу – материнство сделало меня ещё мягче, чем прежде.

– Здравствуйте, Карим Амирович. Вы когда ели последний раз? У меня отбивные есть, макароны и фирменный дешёвый кофе. Впрочем, могу налить какао...

Сегодня меня назвали мамой. Мой сын. Если Булатов воевал со всем миром, то я весь этот мир могла бы обнять. Казалось, моей любви на всех хватит. И на босса, в глазах которого застыли льдинки, тоже.

Булатов поднял на меня глаза. Я отшатнулась. Мне часто делали больно в этой жизни. От самых близких людей, мамы

и мужа, до простых знакомых и коллег. Я научилась притворяться, что меня не жалят их уколы. А ещё научилась определять это взгляд. Взгляд человека, который сейчас сделает мне больно и понимает это. И все равно сделает...

– Карим... – прохрипела я, не сумев выдать из себя отчество, просто сил не хватило, все они ушли на то, чтобы унять панику.

– Потом, – сказал Булатов. – Потом макароны. Дарья, мне нужно с тобой поговорить. Сейчас.

Сделал шаг навстречу, я прижалась спиной к двери, не в силах сделать шаг, отвести взгляда от Булатова, готовая, словно львица защищать от неведомой беды самое дорогое, что у меня есть. А это – Сенька. Только он и больше никого не нужно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.